

Георгий Иванович Чулков

Тайна любви

Георгий Иванович Чулков

Тайна любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665255

Чулков Г.И. Избранное: М.; 2011

Аннотация

«Извѣстный апологетъ семьи В. В. Розановъ любить называть себя въ своихъ статьяxъ «добрымъ буржуа» – и всегда, когда ему приходится касаться вопроса о собственности, онъ остается вѣренъ себѣ и утверждаетъ собственность какъ начало неприкосновенное. Этотъ писатель среди «своихъ талантливыхъ» темъ представляется мнѣ человѣкомъ проницательнымъ и послѣдовательнымъ, и не случайно у него такъ сильно развиты эти два чувства: чувство *семьи* и чувство *собственности*. Да, семьянина непременно потянетъ къ *своему* дому и *своей* землѣ и онъ ревниво будетъ смотрѣть на своего сосѣда и поспѣшитъ огородить свое жилище высокимъ заборомъ...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

Содержание

I	4
II	14
III	18
IV	22

Георгій Иванович Чулков

Тайна любви

«Стоитъ среди васъ Нькто

Котораго вы не знаете».

Юаннъ. Еванг. I гл., 26 ст.

I

Извѣстный апологетъ семьи В. В. Розановъ любитъ называть себя въ своихъ статьяxъ «добрымъ буржуа» – и всегда, когда ему приходится касаться вопроса о собственности, онъ остается вѣренъ себѣ и утверждаетъ собственность какъ начало неприкосновенное. Этотъ писатель среди «своихъ талантливыхъ» темъ представляется мнѣ человѣкомъ пронизательнымъ и послѣдовательнымъ, и не случайно у него такъ сильно развиты эти два чувства: чувство *семьи* и чувство *собственности*. Да, семьянина непременно потянетъ къ *своему* дому и *своей* землѣ и онъ ревниво будетъ смотрѣть на своего сосѣда и поспѣшитъ огородить свое жилище высокими заборомъ.

Еще ранѣе Розанова на внутреннюю, интимную связь семьи и собственности указалъ Ницше. Но Ницше, впрочемъ, сурово раздѣляетъ тему брака отъ темы семьи. «Учрежденіе никогда не основываютъ на идіосинкразіи – говоритъ Ницше

– бракъ не основываютъ на „любви“ – его основываютъ на половомъ инстинктѣ, на инстинктѣ собственности (жена и ребенокъ, какъ собственность), на инстинктѣ властвованія»...

При сопоставленіи этихъ темъ – семья и собственность – становится очевиднымъ, что проблема социализма вовсе не только формально-соціологическая, но и проблема религіозная. Оказывается, что если любовь раскрывается, какъ начало семейное, т. е. если полъ утверждаетъ себя въ дѣторожденіи, то вслѣдъ за такимъ утвержденіемъ – по какому-то метафизическому и психологическому закону – влечется и утвержденіе, закрѣпленіе чувства собственности.

Итакъ, семьянинъ по природѣ своей всегда собственникъ, и намъ, освободившимся въ сознаніи своемъ отъ власти вещей, необходимо подвергнуть рѣшительной критикѣ семью, какъ начало, угрожающее желанному намъ ускоренію историческаго процесса.

Семья современная, т. е. непременно буржуазная семья, уже не разъ разсматривалась критически съ внѣшней стороны. Марксъ, Энгельсъ, Бебель, Каутскій и многіе иные социалисты подвергли блестящему и остроумному анализу институтъ семьи и показали съ достаточной очевидностью непремѣнную связь буржуазной семьи съ проституціей: право собственности, поощряя счастливыя и сытыя пары къ размноженію новыхъ и новыхъ мѣщанъ, въ то же время толкаетъ въ публичный домъ и на улицу тѣхъ голодныхъ дѣвушекъ, которыя не имѣли счастья заручиться супругомъ.

Но блестящій анализъ семейнаго института, сдѣланный соціалистами-позитивистами, совершенно не касается *сущности* семьи, а пожалуй также и *сущности* собственности. Эта поверхностность соціологовъ обнаруживается тогда, когда они думаютъ найти разрѣшеніе проблемы семьи въ коллективистическомъ обществѣ, мечтая, что новый соціаль-ный принципъ *регулированія* интересовъ спасетъ сущность брачныхъ отношеній.

Современный соціаль-демократъ, пожалуй, даже не безъ гордости скажетъ: мы, вѣдь, не коммунисты какіе-нибудь, мы не станемъ отнимать у индивидуума одежды и утвари: только орудія и средства производства должны быть въ рукахъ соціалистическаго общества, а все остальное приложится, — а потому и семья, освобожденная юридически и обезпеченная экономически, не погибнетъ, а расцвѣтетъ въ новомъ обществѣ.

Но пожелаемъ ли мы этого расцвѣта семьи и до-рожимъ ли мы тѣмъ «своимъ кускомъ», которымъ манятъ насъ? Соглашаясь всецѣло съ соціалистами, пока ихъ разсужденія не выходятъ за предѣлы соціологіи, я перестаю ихъ понимать, когда тема семьи и собственности явно дѣлается темой религіозной, т. е. когда разрѣшеніе интересующей насъ проблемы уже не зависитъ отъ того или иного механическаго устроенія общества, а всецѣло зависитъ отъ личности и входитъ въ насъ, какъ острый вопросъ религіознаго сознанія.

Наступаетъ душевный кризисъ: человекъ перестаетъ *же-*

латъ семьи и вмѣстѣ перестаетъ *желать* своего дома. Это *новое* нежеланіе семьи вовсе не тотъ вульгарный и неумный уходъ отъ семьи въ проституцію и развратъ *безъ любви*, которые мы наблюдаемъ въ мѣщанскомъ обществѣ, а исходъ въ *новую любовь*, которая уже свободна совершенно отъ узъ механической общественности. Соціализмъ оказывается необходимымъ моментомъ для реализаціи этой *новой* любви, потому что только при немъ индивидуумъ освобождается отъ власти вещей, но соціализмъ еще *не все*: имъ еще *не все* дано.

Если Марксъ и его послѣдователи, въ силу своей религіозно-философской слѣпоты, не понимали, что тема брака выходитъ изъ сферы соціологіи, то съ другой стороны – теологи, метафизики и мистики нерѣдко впадали въ другое заблужденіе, вѣруя, что роковая проблема можетъ разрѣшиться помимо тѣхъ путей, по коимъ влачится всемірная исторія.

Брезгливое отношеніе къ соціализму, какое мы наблюдаемъ и у нѣкоторыхъ современныхъ теологовъ, свидѣтельствуешь о чрезвычайномъ легкомысліи этихъ писателей. Эти писатели, несмотря на непрестанные разговоры о синтезѣ духа и плоти, трусливо уходятъ отъ того желаннаго намъ религіознаго реализма, который раскрываетъ смыслъ и мистическое содержаніе грядущаго и желаннаго намъ коммунистическаго общества.

И такъ, или мы должны утвердить себя въ безусловномъ аскетизмѣ, отрицая всякій смыслъ въ историческомъ процессѣ; или мы должны признать вмѣстѣ съ Соловьевымъ,

что «соціалізмъ является, какъ сила, исторически *оправданная*».

Тѣ, которые мыслятъ себѣ соціалізмъ, какъ начало статическое, какъ благополучное устройство человѣчества, какъ счастливый «муравейникъ», мыслятъ ненаучно и по существу вульгарно: соціалізмъ принимается нами только въ его движеніи, т. е. постольку, поскольку онъ разлагаетъ устой буржуазнаго общества и освобождаетъ человѣка отъ власти вещей.

Съ другой стороны, мы не вѣримъ, какъ вѣрятъ нѣкоторые соціалисты-позитивисты, что существуетъ будто бы въ возможности какая-то форма коллективистическаго общества, при которой самъ собою разрѣшается вопросъ о семьѣ. Такой формы нѣтъ, и быть не можетъ: даже безусловное отрицаніе всякаго *права* на собственность опредѣляетъ только *съ внѣшней стороны* природу новаго брачнаго союза. Мы же интересуемся въ данномъ случаѣ не только внѣшними формальными условіями, въ которыхъ осуществится новая любовь и новыя брачныя отношенія, но и сущностью этихъ отношеній; мы желаемъ, если не разрѣшить, то по крайней мѣрѣ поставить тему: любовь и бракъ при свѣтѣ современнаго религіознаго сознанія, какъ мы понимаемъ его.

Итакъ, мы принимаемъ, что среда, въ которой возможно будетъ создать новую форму свободнаго любовнаго союза, есть среда общества коммунистическаго. Самъ по себѣ – разумѣется – соціалізмъ ничего положительнаго внести

не можетъ въ область Эроса, но уничтоженіе буржуазныхъ экономическихъ отношеній освободить личность отъ внѣшнихъ механическихъ преградъ и откроетъ для нея свободные пути для взаимодѣйствія съ человѣчествомъ. Но ненадо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что будущее общество, утомленное и ослѣпленное исторіей, не сумѣетъ сразу найти тотъ первоисточникъ любовной энергіи, который является единственнымъ началомъ, способнымъ соединить человѣчество, утверждая его, а не поработая. Чѣмъ же характеризуется это единое начало и въ чемъ же смыслъ любви? Вл. Соловьевъ утверждалъ, что смыслъ любви заключается въ процессѣ становленія отъ множественности къ единству, и это утвержденіе его – мудрое по существу – не только опредѣляетъ *идею* любви, но и предрѣшаетъ природу того *единого* начала, ко-торое соединяетъ людей. Природа этого начала – природа богочеловѣческая. Развитіе любовныхъ и брачныхъ отношеній лучше всего характеризуется, какъ уходъ изъ дурной безконечности (дѣторожденіе) въ безконечность истинную (утвержденіе абсолютнаго начала въ личности и личности въ абсолютѣ). Интеграція человѣчества въ любви не противорѣчитъ истинному индивидуализму, который не боится религіозной общественности. Мы всегда исходимъ изъ идеи послѣдняго освобожденія и утвержденія личности и оставаясь въ этомъ смыслѣ индивидуалистами – ищемъ путей для наилучшаго осуществленія этого волевого устремленія. Но такъ какъ ничто такъ не утверждаетъ личности, какъ лю-

бовь, и такъ какъ въ то же время любовь нельзя мыслить внѣ взаимодействія между собой личностей, то мы естественно должны прійти къ выводу, что истинный индивидуализмъ ведетъ насъ къ соборности.

Сознавая, что сизигическая природа любви требуетъ внутренняго взаимодействія личностей, мы не можемъ доказать безусловной необходимости любви парной. То, что христіанская культура выдвинула эту форму брака, какъ единственно возможную, вовсе не доказываетъ, что она является послѣдней и исключительно желанной формой любовныхъ отношеній. Если половая любовь мужчины и женщины имѣетъ особый метафизическій смыслъ и мистическое значеніе въ моментъ послѣдняго погруженія въ хаосъ страсти, это еще не значитъ, что и бракъ долженъ носить непремѣнно форму парнаго союза: бракъ сложнѣе и значительнѣе, чѣмъ простая страсть двухъ индивидуумовъ.

Формы любви – безконечно-разнообразны, но всегда желаннымъ моментомъ истинной любви является исходъ изъ «эгоизма вдвоемъ», изъ любви парной къ любви вселенской. Если же мы желаемъ утвердить себя въ томъ индивидуализмѣ, который ищетъ опоры въ себѣ самомъ внѣ религіозной общности, то намъ необходимо ради послѣдовательности отказаться и отъ парной любви для любви уединенной, для самовлюбленности. Самовлюбленность, какъ полюсь, противоположный полюсу любви вселенской, имѣетъ свой смыслъ, опредѣляя истинную природу декадентства. Отсюда

глубокое различіе двухъ теченій въ современной поэзіи. Я говорю о поэзіи, какъ о музыкальномъ выраженіи сокровенныхъ религіозныхъ переживаній, ибо «музыка – какъ учили Платонъ – есть знаніе любви въ области ритма и гармоніи». Тема любви и тема музыки связаны между собой по существу.

Только путемъ возсозданія музыки и ритма возможно внести начало Эроса въ сложность жизни. Надо ли это? *Вс123; ли элементы жизни достойны Эроса?* Я полагаю, что отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть положительный. Если мы желаемъ создать цѣльное міроотношеніе, намъ нельзя высококомѣрно обходить ту или иную область жизни, какъ недостойную нашей личности: такихъ областей нѣтъ. Не принявъ міра даннаго, мы однако – утверждаемъ міръ желанный, но вѣдь – этотъ міръ потенціально заложенъ въ элементахъ міра эмпирическаго. Не новый міръ надо создавать, а въ корнѣ измѣнить природу этого міра: изначальные элементы пріобрѣтутъ совершенно иное значеніе и по иному раскроются въ нашей душѣ. Такъ мы принимаемъ міръ *вторымъ* пріятіемъ¹.

Богочеловѣческой путь раскрывается двусторонне: объективно и формально онъ совпадаетъ съ «прогрессомъ», если

¹ *Религіозное отношеніе къ міру заставляетъ насъ искать музыкальнаго начала и въ трудѣ. Трудѣ, оскверненный и обезображенный рабствомъ и принужденіемъ, возникаетъ въ новомъ свѣтѣ въ обществѣ коммунистическомъ. Формальная наука дѣловито, но – конечно – слѣпо подходитъ къ той же теме ритма въ трудѣ: См. кн. Бюхера «Arbeit und Rhythmus». 1899.*

послѣдній разсматривать въ безмѣрно-ускоренномъ процесѣ становленія. «Прогрессъ» превращается въ «непрерывную революцію». Но – разумѣется – это только внѣшняя сторона становленія міра къ началу абсолютному. По существу путь богочеловѣчества – путь любви. Итакъ, непрерывная и непримиримая борьба съ началомъ механическимъ, во-имя начала музыкальнаго, и – съ другой стороны – устремленіе къ интеграціи міра въ Эросъ.

Да: «стоитъ среди васъ *Нѣкто*, котораго вы не знаете» – вотъ во истину вѣчный укоръ пророка намъ – слѣпцамъ; въ любви мы чаемъ узнать таинственное лицо Единаго Начала и чрезъ Него самихъ себя, въ нашей полнотѣ, утверждая въ себѣ изначальную силу любви.

Да! Съ нами Богъ, – не тамъ въ шатрѣ лазурномъ,
Не за предѣлами безчисленныхъ міровъ,
Не въ зломъ огнѣ и не въ дыханьѣ бурномъ,
И не въ уснувшей памяти вѣковъ.

Онъ *здѣсь теперь*, – средь суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ.
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ!

И вотъ основная наша тема – антиномія свободы и необходимости – находитъ себѣ разрѣшеніе въ любви. Трагическое столкновеніе личности съ закономъ раскрывается въ свѣтѣ

сознанія, что Богъ, т. е. любовь, «не тамъ въ шатрѣ лазурномъ, не за предѣлами безчисленныхъ міровъ, а здесь, *теперь*». Привходитъ новая *Радость* подобно тому, какъ въ Девятой Симфоніи Бетховена финальная часть пронизывается лучами религіознаго дѣйствія, которое прозрѣваетъ въ хорѣ Вячеславъ Ивановъ. И мы вторимъ Шиллеру:

Прочь вражда съ земного круга!

Породнисъ душа съ душой

II

Смысль любви заключается не только въ процессѣ становленія отъ множественности къ единству, но и въ утвержденіи такого начала, которое разлагаетъ окружающую насъ среду, которое разрушаетъ механическую общественность. Любовь – это Неувядающая Роза. Ея чары разбиваютъ всѣ замки и раздробляютъ всѣ цѣпи. Ни въ одномъ вѣкѣ такъ не торжествовало начало измѣренного желѣза, принципъ внѣшняго равновѣсія, какъ въ минувшемъ XIX вѣкѣ. Необходимо противопоставить такой мертвой культурѣ опытъ любви и любовнаго союза.

Если мы признаемъ, что природа любви не только существенно отличается отъ тѣхъ элементовъ жизни, которые опредѣляютъ канву, «нормальной» общественной жизни, но и заключаетъ въ себѣ нѣчто прямо враждебное этимъ элементамъ, мы поймемъ значеніе любви, какъ начала анархическаго. Въ самомъ дѣлѣ наша механическая общественность характеризуется идеей *права* и регулируется внѣшними *нормами* государственнаго порядка и соціального уклада. Но какія нормы и какое право имѣютъ силу въ области любви? Вотъ почему любовь для насъ прежде всего *чудо* и вотъ почему природа ея не принадлежитъ кругу тѣхъ переживаній, которыя связываютъ насъ съ міромъ подзаконнымъ.

Любовь притягиваетъ къ себѣ и одновременно отталкиваетъ. Она требуетъ *всего* и не мирится съ компромиссами. Она безусловна. Быть въ любви это значить не принять міра даннаго и утвердить міръ чудесный.

Не смотря на грохотъ машиннаго «прогресса» мы сумѣемъ уловить «дыханіе» любви. И это исцѣляющее дыханіе уже носить въ себѣ залогъ того Эроса, который смахнетъ вѣяніемъ своихъ крыльевъ пыль съ лица человѣческаго. Природа влюбленности только что обручившихся во истину тождественна съ тою влюбленностью, которая присуща Землѣ, стремящейся къ Всеединству.

Многіе не понимаютъ, *какая сила* заложена въ природѣ любви. Но Платонъ понималъ ея могущество. «Еслибъ какъ-нибудь – говорить онъ: – могли существовать народъ или войско, состоящіе только изъ влюбленныхъ, то этотъ народъ болѣе другихъ любилъ бы добродѣтель и ненавидѣлъ бы порокъ. Люди, соединенные такимъ образомъ, хотя бы въ меньшинствѣ могли бы въ сраженіи побѣдить весь міръ... *Всякій скорѣе предпочтетъ умереть на мѣсть, чѣмъ покинуть въ опасности своего возлюбленнаго*».

Нѣтъ ничего реальнѣе любви, нѣтъ ничего изначальнѣе пола: эти двѣ сущности, или два аспекта единой сущности, являются нашими водителями на путяхъ жизни. Мы исходимъ изъ этого реального опыта (и объективно даннаго) и утверждаемъ: любовь-влюбленность – вотъ то единое Начало, которое можетъ замкнуть распавшійся хороводъ чело-

вѣчества. Сила любви параллельна той силѣ, которую Евангеліе называетъ силою Святого Духа. «Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа».

Такъ и любовь: ея голосъ, ея напѣвы, ея ритмическія движенія въ пляскѣ мы познаемъ нежданно. И неизвѣстно, откуда она приходитъ и куда уходитъ,

Но настанетъ время и все тайное станетъ явнымъ. Такъ антиномія свободы и необходимости разрѣшается, въ любви, т. е. – иными словами: гдѣ Духъ Святой, тамъ свобода, тамъ чудо, тамъ *все дозволено*, и ничто не обладаетъ личностью. Если личность утверждаетъ себя въ любви, міръ измѣняется для нея. Банальное, ходячее выраженіе-«влюбленному все кажется въ *розовомъ свѣтѣ*» – пріобрѣтаетъ особенный смыслъ, когда мы имѣемъ опытъ высшей формы любви. Мученики, сожигаемые на кострахъ, испытывали высокое блаженство: такова была сила влюбленности; таковъ былъ «розовый свѣтъ, свѣтъ новой зари, которую имъ дано было увидѣть». И эти «влюбленные» не только видѣли новый свѣтъ, они слышали новую музыку, «пѣніе ангельское». И не эта ли музыка опьяняетъ насъ, когда вѣютъ красныя и черныя знамена и баррикады обагрятся жертвенной кровью?

Любовь всегда находитъ свое выраженіе въ музыкѣ. И Шекспиръ былъ правъ, влагая въ уста одного изъ своихъ героевъ увѣренія, что «движенія души темны, какъ ночь», у

ТѢХЪ,

«Кто музыки не носитъ самъ въ себѣ»...

III

«Стоить среди васъ Нѣкто, Котораго вы не знаете». Онъ невидимой рукой касается вашихъ глазъ, и вы начинаете прозрѣвать въ лепесткахъ и въ стебляхъ новую тайну; Онъ касается вашихъ устъ, и они – опаленные – жаждутъ новыхъ и новыхъ непонятныхъ прикосновений; Онъ чертитъ кругъ на пескѣ, и камни выпадаютъ изъ рукъ лицемѣровъ... Неизвѣстный идетъ какимъ-то вѣрнымъ путемъ, и вы идете за Нимъ, но рядомъ влачится смерть. Не то благоговѣйно, не то насмѣшливо древніе индусы давали богу смерти Шивѣ въ атрибутъ между прочимъ и фаллическій знакъ, лингамъ, символъ рожденія. Въ самомъ дѣлѣ рожденіе не равноцѣнно ли смерти, и дѣторожденіе не равноцѣнно ли убійству? Но намъ необходимо найти не эквивалентъ смерти, т. е. продолженіе рода (дурная безконечность), а то, что побѣждаетъ смерть, т. е. то, что *не-плоско, не-механично*, т. е. любовь, такъ какъ цѣль любви – безсмертіе.

Мы влюблены въ Афродиту Небесную, Мадонну, Беатриче, Сольвейгъ, Прекрасную Даму, – быть можетъ – Лауру, но рядомъ возникаетъ Афродита иная, Коринна, Фіаметта и даже Морэлла.

Морэлла! «Principium individuationis, т. е. представленіе о томъ тождествѣ, *которое въ самой смерти остается или утрачивается не навсегда*, было для меня постоянно вопро-

сомъ высокаго интереса», – говорить Эдгаръ По, повѣствуя о великой тайнѣ безсмертія ложнаго и безсмертія истиннаго. Въ сущности, всѣ Коринны и Фіаметты всегда обречены на судьбу Морэллы. И каждый поцѣлуй нашъ влечетъ ихъ одновременно къ смерти и къ дурному безсмертію.

Но нашъ послѣдній скептицизмъ заставляетъ насъ заподозрить не только Фіаметту, но и Беатриче. Вѣдь, не случайно, когда Данте прошелъ черезъ всѣ круги ада и ангелы стерли съ его чела слѣды грѣховъ, когда онъ перешагнулъ черезъ очистительный огонь и Беатриче встрѣтила его грозной и суровой рѣчью, неслучайно въ голосѣ Благодороднѣйшей слышится не только справедливость, но и ревность, *женская ревность*.

Если и Беатриче *ревнуетъ*, мы должны сдѣлать послѣдній и страшный выводъ: нѣтъ Безсмертной Любовницы, есть только Безсмертная Любовь. Слѣдовательно, мы должны искать не Единую, а Двуетьединую, чтобы создать вѣчную Троицу. Итакъ въ троицѣ полагается начало религіозной общественности и послѣдняя правда безсмертія². Въ троицѣ, какъ изначальной формѣ соборности, раскрывается впервые любовь (красота), безусловно тождественная и неизмѣнная себѣ. Проблема троицы осложняется вопросомъ о соотношеніи половъ. Единственнымъ разрѣшеніемъ этого роково-

² Принципъ троицы въ любви имѣетъ двоякое религіозное значеніе: во-первыяхъ, троица утверждается въ случай любви двухъ къ третьему абсолютному, мистическому лицу (Любовь Франциска и Клары), – и – во-вторыхъ – принципъ троицы утверждается, какъ первый случай любви соборной. (Грубое, темное и наивное выраженіе этого принципа мы наблюдаемъ въ «хлыстовщинѣ»).

го вопроса мнѣ представляется признаніе *первоначальнаго единства* пола. Наша первобытная природа – учить Платонъ – была едина и мы были совершенны. Стремленіе къ этому единству называется «Любовью». И такъ, и женское, и мужское начала потенціально находятся въ равновѣсіи въ каждой *личности*, и только въ индивидуумѣ, т. е. въ эмпирической видимости, мы наблюдаемъ раздѣльность пола. Сочетанія внутри брачнаго союза свободны въ смыслѣ соотношенія мужчинъ и женщинъ. Но основнымъ принципомъ любовнаго союза долженъ быть принципъ цѣломудрія. Въ случаяхъ нарушенія этого принципа любовь не утверждается, а (въ лучшемъ случаѣ) ведетъ къ дурной безконечности, т. е. къ дѣторожденію. Знаю, что здѣсь мои разсужденія пріобрѣтаютъ характеръ антиномической, но разрѣшеніе этихъ послѣднихъ антиномій лежитъ внѣ плоскости логики и философіи.

Идейной антиномичности соотвѣтствуетъ антиномичность и реальная. Въ эмпирической брачной троицѣ не осуществляется равновѣсія любви: отсюда – литургическая жертва и раскрытіе любви, какъ начала трагическаго. Это уже постигалъ, провидѣль Достоевскій. Такова, напр., любовь Настасьи Филипповны, Идіота и Аглаи. Здѣсь на-лицо три личности, но исхода нѣтъ, потому что всѣ они только *смутно* предчувствуютъ возможность новаго тайнодѣйствія (сильнѣе всего чувствуетъ князь и слабѣе другихъ Аглая). Они всѣ погибаютъ, хотя Настасья Филипповна уже дѣлала

шагъ навстрѣчу новой любви. Прочтите ея письма къ Аглаѣ. Она пишетъ своей мнимой соперницѣ: «я въ васъ влюблена». И далѣе: «Знаете, мнѣ кажется, вы даже должны любить меня. *Для меня вы тоже, что и для него: свѣтлый духъ, ангель не можетъ ненавидѣть, не можетъ и не любить. Можно ли любить всѣхъ, всѣхъ людей, всѣхъ своихъ ближнихъ*», — я часто задавала себѣ этотъ вопросъ? Конечно, нѣтъ, и даже неестественно. Въ отвлеченной любви къ человѣчеству любишь почти всегда самаго себя. «*Но это намъ невозможно, а вы другое дѣло*». — «*Вы одинъ можете любить безъ эгоизма, вы одинъ можете любить не для себя самой, а для того, кого вы любите*».

Но въ послѣднее знаменательное свиданіе *всѣхъ трехъ* вдругъ раскрывается безнадежный сумракъ отчаянія. Одинъ только «князь» видитъ, кажется, *лицо* Неизвѣстнаго, а эти двѣ женщины уже *ничего не видятъ*.

Но если прошлые вѣка и современность искали исхода изъ этого трагизма путемъ обмана, измѣны, убійства и самоубійства, будущее открываетъ новую возможность, и уже теперь полагается начало этой возможности. Это пріятіе любви *вторымъ* цѣломудреннымъ пріятіемъ: въ немъ печаль уравнивается добровольной жертвой и поцѣлуй пріобрѣтаетъ необычайное значеніе религіозной радости.

IV

Любовь враждебна не только началу механическому и – в частности – правовымъ и социальнымъ нормамъ, но и обязательнымъ *моральнымъ* нормамъ. Такъ утверждаетъ себя духъ революціи въ твердыняхъ «высшаго закона». Когда Иисусъ однажды возлежалъ на пиршествѣ въ городѣ Наинѣ, къ нему пришла *грѣшная* женщина и принесла алавастровой сосудъ съ мвромъ. Женщина стала на колѣни передъ Иисусомъ и обливала Его ноги слезами, отирала ихъ своими волосами, цѣловала и мазала мвромъ. Иисусъ сказалъ про нее: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много. Подобныхъ повѣствованій о безмѣрной любви-влюбленности много въ евангеліяхъ. Смыслъ этихъ повѣствованій ясенъ: влюбленность по самой изначальной природѣ своей «не отъ міра сего». Поэтому, кто не принимаетъ міра даннаго для вѣчной жизни, а не для смерти, долженъ вступить на *единственный* путь спасенія, т. е. на путь любви. Тогда моральныя «велѣнія» отпадаютъ, отметаються прочь. «Можете ли заставить сыновъ чертога брачнаго поститься, когда съ нимъ женихъ?» – говоритъ Иисусъ. И онъ же учитъ: «Заповѣдь *новую* даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга». (Іоаннъ. Ев. 13 гл., ст. 34). Женщинѣ, «взятой въ прелюбодѣянїи» Иисусъ сказалъ: «Я не осуждаю тебя». Иначе Онъ не могъ ска-

зать, потому что идея прелюбодѣянiя не вмѣщается въ кругъ тѣхъ религіозныхъ сужденiй, которыя высказывались Иисусомъ и его вѣрными. Евангельское ученiе о любви сводится къ одному утвержденiю: любовь – чудо, и потому въ ней и чрезъ нее *все позволено*. Духъ Святой – водитель на путяхъ новозавѣтной любви-влюбленности. Цѣлованiе символъ *новой любви*, новой радости, печать совершеннаго исполненiя. Эта таинственная любовь непонятна для тѣхъ, кто связалъ себя крѣпкими узами съ этимъ подзаконнымъ міромъ. Отсюда «раздѣленiе», которое Иисусъ принесъ въ міръ. «Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ». (Іоаннъ, Ев. 15 гл., 18 и 19 ст.).

Поцѣлуй – какъ символъ любви, о которомъ такъ часто говорятъ апостолы – связанъ непосредственно съ чистой сущностью пола. Природа поцѣлуя заключаетъ въ себѣ потенциально *всѣ* формы полового общенiя. Ограниченiя, которыя индивидуумъ ставитъ свободно самъ себѣ въ этой области Эроса, могутъ опредѣляться различными психологическими моментами. Но единственно вѣрный принципъ, утверждающій цѣломудріе – это принципъ сохраненiя и спасенiя личности. Одно и то же дѣйствiе можетъ имѣть противоположное значенiе и различную религіозную цѣнность. И первый поцѣлуй, и послѣдній могутъ погашать личность въ изначальной, безликой страсти, въ темномъ хаосѣ, и нао-

бороть тотъ же поцѣлуй можетъ освобождать личность отъ власти хаоса и утверждать ее до конца. Цѣломудріе – не аскетизмъ. Аскетизмъ *запрещаетъ*, цѣломудріе *очищаетъ*; аскетизмъ *убиваетъ*, цѣломудріе *воскрешаетъ*. Смысль новоявленной любви-влюбленности въ сохраненіи, спасеніи, освобожденіи и *утвержденіи личности*: исходъ изъ хаоса страсти любовь-влюбленность, изъ эгоизма въ начало вселенское, міровое и абсолютное.

Принимая всѣ стадіи и формы поцѣлуя вторичнымъ цѣломудреннымъ пріятіемъ, мы должны сознательно отнести и къ *последнему* поцѣлую. Его природа, однородная вообще съ природою и всѣхъ иныхъ формъ полового общенія, отличается однако однимъ моментомъ, который опредѣляется возможностью дѣторожденія. Мы должны здѣсь согласиться съ Вл. Соловьевымъ, который на основаніи естественно-историческихъ фактовъ, съ достаточной убѣдительностью показалъ, что половая любовь и размноженіе рода находятся между собой *въ обратномъ отношеніи*: чѣмъ сильнѣе одно, тѣмъ слабѣе другая. Итакъ, мы не должны убивать въ аскетизмѣ начало пола, но мы должны искать такого высокаго и совершеннаго проявленія его, при которомъ неосуществимо дѣторожденіе. Мы не должны ставить внѣшнихъ препятствій для дѣторожденія и не должны страшиться *последняго* поцѣлуя, но мы должны приближаться къ нему только въ увѣренности, что мы достойны его: только тогда мы утвердимъ нашу личность до конца.

А между тѣмъ то, что вокругъ называютъ любовью, приносить личности не жизнь, а смерть. По слову поэта, мы любимъ «убійственно» и въ «буйной слѣпотѣ страстей»

Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Но наша вѣщая душа уже бьется на порогѣ «двойного бытія» и поэтъ прозрѣваетъ новый свѣтъ:

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя, —
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

Такъ чрезъ тайну любви мы касаемся тайны жертвы, тайны сораспятія съ Безсмертнымъ Эросомъ, ибо истинный Эросъ безсмертенъ и вѣченъ, а не полубезсмертенъ, какъ думала Діотима, пророчица древняго міра.